
Сказки
Русскаго народа
7
Составилъ
В. А. Гатцукъ
Издалъ
А. Д. Ступинъ
С. Ягужинскій

СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА

Избраны, изложены и изданіе редактировано

В. А. Гатцукомъ.

Рисунки художник. *Н. Богатова, Ягужинскаго и Шнейдера.*

VII.

СОДЕРЖАНІЕ:

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

печатанное безъ перемѣнъ съ 1-го. **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ОДОБРЕННАГО** для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

МОСКВА.

Изданіе книгопродавца Алексѣя Дмитріевича Ступина.

1902.

Дозволено цензурою. Москва, 5 Іюня, 1902 года.

Типографія **Варвары Гатцукъ**, Москва, Арбатъ, Бол. Афанасьевскій пер., д. Ефремовой.

Зорька-Богатырь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ царь съ царицей. Всѣмъ бы хорошо было ихъ житье, да одна бѣда: дѣтей у нихъ не было. Наконецъ вспомнилъ царь, что у него въ царствѣ есть знахарь, древній старичокъ, такой древній, что, бывало, еще дѣдушкѣ царскому ворожилъ. И снарядилъ царь къ тому знахарю пословъ съ наказомъ, спросить у него: живетъ, молъ, царь съ царицей десять лѣтъ, а все дѣтей у нихъ нѣтъ; такъ, какъ тутъ быть? Доискалось посольство знахаря: жилъ знахарь въ дремучемъ лѣсу одинъ одинешенекъ. Передали послы царскій наказъ и ждутъ отвѣта. Отвѣчаетъ посламъ знахарь: «Пусть царь велитъ черезъ топи-трясины непроходимыя мосты построить съ бесѣдками. Какъ построятъ, пусть онъ самъ въ полночь подъ мостомъ сядетъ и людскихъ рѣчей послушаетъ: какъ люди скажутъ,—такъ пусть и сдѣлаетъ».

А въ томъ царствѣ были топи-трясины непроходимыя: кругомъ объѣзжать — три мѣсяца, а прямоѣзжей дорогой было-бъ ходу три дня, да только ни пройти ни проѣхать той дорогой нельзя. Выстроили черезъ тѣ болота мосты крѣпкіе

съ бесѣдками и сталъ царь подъ мостъ,—людскія рѣчи слушать. Въ самую полночь слышитъ: идутъ по мосту двое нищихъ. Одинъ говоритъ: «Спасибо царю, что мостъ построилъ и бесѣдки понадѣлалъ: теперь прохожему и отдохнуть есть гдѣ». А другой ему въ отвѣтъ: «Надо ему пожелать наслѣдника. Кабы онъ догадался, да велѣлъ за ночь, пока пѣтухи не запѣли, шелковый неводъ связать, да тѣмъ неводомъ рыбу-щуку златоперую въ озерѣ, что посреди этихъ болотъ, изловить, да царица бы той рыбы-щуки покушала,—и сынъ бы у нихъ родился». Поговорили нищіе и пошли дальше.

Вернулся царь во дворецъ, а на другую ночь приказалъ до первыхъ пѣтуховъ связать шелковый неводъ и въ озеро закинуть. Разъ закинули,—ничего не поймали; въ другой закинули,—опять ничего; въ третій закинули,—поймалась щука златоперая. Взяли щуку и отнесли къ царю, а царь приказалъ ее, изготовивши, царицѣ къ столу подать. Когда повара щуку зажарили, пришла судомойка, положила ее на блюдо и понесла къ царицѣ, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Приняла блюдо изъ рукъ судомойки боярыня, оторвала другое крылышко и тоже попробовала. А всю щуку царица скушала.

И родилось у всѣхъ трехъ,—у судомойки, у боярыни и у царицы, въ одинъ день, да не въ одинъ часъ,—по сыну-богатырю. Судомойкинъ сынъ на зарѣ родился,—его Зорькой назвали; боярскій сынъ вечеромъ родился,—его Вечоркой назвали; царскій сынъ въ полночь родился,—его Полуночкой назвали. Хороши были боярскій сынъ да царевичъ, а Зорька всѣхъ лучше уродился: по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, до локтей руки въ красномъ золотѣ, на вискахъ звѣзды частыя, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ. Росли всѣ они трое вмѣстѣ товарищами, только повадки были у нихъ разныя: какъ воротятся съ гулянья,—царскій сынъ сейчасъ одежу мѣняетъ, боярскій сынъ отдыхать ложится, а судомойкинъ сынъ за ѣду берется.

Кто ростетъ по годамъ, а наши богатыри—по часамъ: кто въ годъ,—они въ часъ таковы; кто въ три года,—они въ три часа. Пришли въ возрастъ, заслышали въ себѣ силу богатырскую, стали шутки шутить нехорошія: играючи на улицѣ со сверстниками, кого за руку ухватятъ,—рука прочь, кого за

Передали послы знахарю царскій наказъ и ждутъ отвѣта.

голову,—голова долой. Стали люди царю жаловаться: «Уйми ты ихъ, государь батюшка! Изъ-за ихъ озарства много ужъ молодыхъ ребятъ безвременной смертью побывшилось. Не вышелъ бы народъ изъ терпѣнья да чтобы и молодцамъ твоимъ худа какого не приключилося».

Испугался царь, закручинился, сталъ думать крѣпкую думушку: какъ бѣды избыть,—ничего придумать не можетъ. Запереть молодцевъ въ тюрьму каменную, за запоры крѣпкіе,—жалко; а такъ унять ихъ удаль,—не уймешь: кипитъ въ нихъ горячая кровь, сила богатырская наружу просится.

Только вдругъ, на ту пору изъ дальней стороны, отъ султана индѣйскаго пришли послы къ царю; просятъ,—ихъ милостиво выслушать. Допустилъ ихъ царь передъ свои свѣтлыя очи и стали послы рѣчь держать:

«Было, — говорятъ, — у нашего, у индѣйскаго, султана три дочери красоты неописанной; берегъ онъ ихъ пуще глаза своего въ высокомъ терему, чтобъ ни буйные вѣтры на нихъ не повѣяли, ни красное солнышко ихъ не опалило. Разъ какъ-то вычитали царевны въ книгѣ, что есть кругомъ ихъ терема чудный бѣлый свѣтъ, и когда пришелъ султанъ навѣстить ихъ, онѣ стали его со слезами упрашивать: «Государь ты нашъ батюшка! Выпусти насъ на бѣлый свѣтъ посмотрѣть, въ зеленомъ саду погулять». И надо же такой бѣдѣ быть,—согласился султанъ на ихъ неотступную просьбу, отпустилъ ихъ на бѣлый свѣтъ поглядѣть, въ зеленомъ саду погулять».

«Вышли дѣвицы съ мамками, съ няньками, съ сѣнными дѣвками изъ терема въ садъ; бѣгаютъ-забавляются, каждой травкой любуются. Вдругъ, откуда ни возьмись, нашла на небо туча черная, встала гроза страшная, дунулъ буйный вихрь, всѣ деревья въ саду къ землѣ приклонилися. Налетѣлъ чудо-юдо двѣнадцатиглавый змѣй и унесъ трехъ прекрасныхъ дѣвицъ не знамо куда».

«Кликнулъ кличъ султанъ по селамъ-городамъ: не возьмется ли кто дочерей его розыскать. «Кто это дѣло сдѣлаетъ,—любую дочь за того замужъ отдамъ, золотой казной награжу не считаючи». Только не нашлось въ нашемъ славномъ царствѣ индѣйскомъ такихъ богатырей: видно, перевелись они!»

«Тогда приказалъ султанъ по чужимъ землямъ кличъ кликать: изъ иноземныхъ богатырей не сыщется-ли кто? Слышно,— есть у васъ три сильномогучихъ богатыря: не откликнутся ли они на кличъ султанскій?»

Обрадовался царь этому случаю. «Отпущу,—думаетъ,—моихъ молодцовъ по бѣлому свѣту погулять, людей посмотрѣть, себя показать. Съ змѣемъ имъ не встрѣтиться,—гдѣ его найдешь,—а удаль у нихъ, можетъ, и поуймется». Зоветъ Зорьку, Вечорку и Полуночку передъ свои ясныя очи и говоритъ имъ таково слово: «Дѣти мои милыя, соколы ясные! Зоветъ васъ индѣйскій султанъ вызволять его дочерей отъ двѣнадцатиглаваго змѣя. Это дѣло по васъ, будетъ вамъ потѣха богатырская,—лучше, чѣмъ товарищамъ на улицѣ ноги да руки рвать». А Зорька, Вечорка съ Полуночкою тому и рады: поклонились царю въ ноги, благодарятъ за милость его царскую, просятъ благословенія. Царь ихъ благословилъ, на дорогу казной наградилъ: Зорькѣ кошель, Вечоркѣ два, а Полуночкѣ далъ золотой казны не считаючи.

Пошли молодцы въ оружейныя палаты, выбирать себѣ по рукѣ оружіе,—не нашли подходящаго: гнутся въ ихъ рукахъ сабли вострыя, ломаются мечи булатные. Пошли въ царскія конюшни коней выбирать,—и того хуже: на котораго коня руку ни наложатъ,—садится конь окарачъ. Вернулись богатыри къ царю, о своей бѣдѣ докладываютъ, и говоритъ имъ царь: «Коли такъ, ступайте вы, дѣтки, къ старому знахарю, чтò живетъ въ дремучемъ лѣсу и еще дѣдушкѣ моему ворожилъ. Не поможетъ ли онъ вамъ въ вашей бѣдѣ».

Пошли Зорька, Вечорка съ Полуночкою по царскому приказу, да, по дорогѣ идучи, между собою размолвились. Стали спорить: кому въ походѣ старшúмъ быть, кого другимъ слушаться. Спорили-спорили и порѣшили: кто всѣхъ сильнѣй, тому быть старшúмъ, а прочимъ двумъ чтобъ старшòго слушаться. Стали сперва изъ тугихъ луковъ стрѣлять. Полуночка выстрѣлилъ, потомъ Вечорка, потомъ Зорька. Ѣдутъ; не близко, не далеко лежитъ Полуночкина стрѣла; подальше упала Вечоркина стрѣла. А Зорькиной стрѣлы и сыскать не могли. Стали потомъ палицу желѣзную десятипудовую вверхъ бросать. По-

луночка бросилъ,—палица черезъ часъ назадъ упала; Вечорка бросилъ,—черезъ три упала, а Зорька бросилъ—и совсѣмъ не вернулась, только ее и видѣли. Порѣшили въ третій разъ силу пробовать. Поставилъ Полуночка рядомъ Зорьку съ Вечоркой, ударилъ ихъ по плечамъ—и вбилъ по колѣна въ землю; Вечорка ударилъ Зорьку съ Полуночкой,—по грудь ихъ въ землю вбилъ; Зорька ударилъ Вечорку съ Полуночкой, — по самую шею вбилъ. Говорятъ тогда ему братья: «Будь ты между нами старшо̀й, чтобы намъ тебя во всемъ слушаться».

Долго-ли, коротко-ли шли добрые молодцы и пришли наконецъ въ ту лѣсную трущобу, гдѣ старый знахарь жилъ. «Знаю, дѣтки, зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали,—говоритъ онъ имъ:—нѣтъ по васъ у царя ни коней, ни оружія. Такъ ступайте вы отсюда прямо на восходъ солнца; какъ выйдете изъ лѣса,—промежъ трехъ дорогъ, въ чистомъ полѣ, подъ бѣлою березою отыщите вы плиту желѣзную. Въ полночь поднимите плиту,—подъ ней найдете вы себѣ и коней и оружье богатырское.

Пошелъ Зорька съ товарищами доставать себѣ коней и оружіе. Нашли въ чистомъ полѣ плиту желѣзную, а лежитъ та плита промежъ трехъ дорогъ. Дождались молодцы полночи, за кольцо берутся, плиту повертываютъ. Имъ конюшня открывается; въ той конюшнѣ три коня стоятъ, на желѣзныхъ цѣпяхъ къ столбу прикованы: одинъ конь — на трехъ цѣпяхъ, другой конь— на шести, третій конь—на двѣнадцати. Увидали кони богатырей, ржутъ,—земля дрожитъ, изъ ушей, изъ ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта бьетъ пламень огненный.

На стѣнахъ висятъ доспѣхи ратные: сѣдла черкасскія, уздечки шелку шемаханскаго, стремена булатныя, копья долгомѣрныя, щиты, мечи-кладенцы, сабли вострыя—все оружье богатырское.

Стали богатыри себѣ коней и оружіе выбирать. Зорька, старшій богатырь, подошелъ къ коню, что̀ на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ былъ, наложилъ на него руку могучую, по гривѣ погладилъ, — сталъ конь, какъ вкопаный. Оторвалъ Зорька всѣ двѣнадцать цѣпей, осѣдлалъ коня добраго, опоясался мечомъ-кладенцомъ, взялъ въ руки копье долгомѣрное,

за спину щитъ закинулъ. Вечорка осѣдлалъ коня съ шести цѣпей, Полуночка—съ трехъ цѣпей. Снарядились богатыри и въ путь дорогу поѣхали—черезъ горы высокія, черезъ долы широкіе, черезъ рѣки глубокія, въ страны дальнія, невѣдомыя.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ѣдутъ Зорька и Вечорка съ Полуночкою не день, не два; доѣхали до рѣки Смородины, до того-ли моста калиноваго. Заваленъ мостъ костями человѣчьими—пѣшему по поясъ; кругомъ по берегу лежатъ кости,—коню по колѣно костей навалено.

— «Что за притча, братцы?—говоритъ Зорька товарищамъ.— Надо бы узнать: отчего здѣсь столько костей человѣчьихъ лежитъ. Давайте, побудемъ здѣсь, покараулимъ». Кинули жребій, кому первую ночь стеречь; досталось Полуночкѣ.

Раскинули себѣ товарищи палатку, а Полуночка пошелъ къ мосту сторожить; только, какъ пришелъ,—залѣзъ въ кусты и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Не понадѣялся на него Зорька: какъ подошло время къ полуночи, опоясался онъ мечомъ-кладенцомъ булатнымъ, вышелъ и сталъ на мосту. Вдругъ, на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричалися,—выѣзжаетъ на мостъ чудо-юдо змѣй трехголовый. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или недруга заслышалъ? Есть мнѣ противникъ—Зорька богатырь, да его костей и воронъ сюда не занашивалъ». А Зорька отзывается: «Ахъ ты чудо-юдо! Да я и самъ тутъ на лицо».—«А зачѣмъ пожаловалъ? Къ дочерямъ моимъ или къ сестрамъ свататься?» — «Нѣтъ, братъ: въ полѣ съѣзжаться, родней не считаться; давай воевать». Взмахнулъ Зорька мечомъ-кладенцомъ—и снесъ змѣю сразу всѣ три головы. Туловище въ рѣку бросилъ, головы подъ мостъ спряталъ.

Поутру проснулся Полуночка. «Ну что, не видалъ ли чего?»— спрашиваютъ товарищи. «Нѣтъ, братцы, мимо меня и муха не пролетывала».

На другую ночь пошелъ Вечорка на дозоръ; забрался въ кусты—и заснулъ. Зорька на него не понадѣялся: какъ подошло время къ полуночи, снарядился, опоясался мечомъ-кладенцомъ булатнымъ и сталъ на мосту. Вдругъ, на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричалися, утка крякнула,

въ берегахъ звякнуло,—въѣзжаетъ на мостъ чудо-юдо змѣй шестиголовый. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или Зорьку богатыря заслышалъ? Да я его на одну ладонь посажу, другой прихлопну,—только мокренько будетъ». А Зорька отзывается: «Ахъ ты, чудо-юдо, мосальская губа! Не поймавъ ясна сокола, хочешь перья щипать. Давай лучше силу пробовать: кто одолѣетъ, тотъ и похвалится». Сошлись, ударились,—задрожалъ мостъ калиновый. Чуду-юду не посчастливилось: съ одного размаху сшибъ ему Зорька три головы. «Стой, Зорька! Дай мнѣ роздыху».—«Что за роздыхъ. У тебя, чудо-юдо, три головы, у меня всего одна; вотъ, какъ будетъ у тебя одна голова,—тогда и отдыхать станемъ». Опять сошлись, ударились. Отрубилъ Зорька змѣю послѣднія три головы. Туловище изрубилъ да въ рѣку бросилъ, головы подъ мостъ спряталъ.

Поутру пришелъ Вечорка въ палатку съ очереди. «Ну что, не видалъ ли чего?»—спрашиваютъ товарищи. «Нѣтъ, братцы, мимо меня муха не пролетывала, комаръ не пропискивалъ».

На третью ночь собрался Зорька въ свой чередъ на дозоръ идти. Повѣсилъ онъ бѣлое полотенце на стѣнку, а подъ нимъ на полу миску поставилъ. «Братцы!—говоритъ.—Я на смертный бой иду; а вы хоть эту-то ночь не поспите, присматривайтесь,—какъ будетъ съ полотенца кровь течь: если половина миски набѣжитъ,—ничего; если полна миска набѣжитъ,—все ничего, а если черезъ край польетъ,—спускайте тогда съ цѣпей моего коня богатырскаго и сами торопитесь на помочь мнѣ». Пообѣщали Вечорка съ Полуночкой все такъ сдѣлать, какъ Зорька наказывалъ.

Стоитъ Зорька на калиновомъ мосту, своей судьбы дожидается. Подошло время къ полуночи. Вдругъ, на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричалися, утка крякнула, въ берегахъ звякнуло, пробудилася Гамаюнъ-Птица, завылъ въ лѣсу Сѣрый-Волкъ, застоналъ-зашумѣлъ дремучій боръ,—въѣзжаетъ на мостъ чудо-юдо, змѣй девятиголовый. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или Зорьки богатыря боишься? Да мнѣ только дунуть,—его и праху не останется». А Зорька отзывается: «Ахъ

Стоитъ Зорька на мосту, своей судьбы дожидается.

ты, чудо-юдо! Чего расхвастался, на рать идучи?».—«А, такъ ты, Зорька, ужъ здѣсь! Зачѣмъ пожаловалъ?» — «На тебя посмотрѣть, твоей крѣпости попробовать». Засмѣялся змѣй: «Куда тебѣ мою крѣпость пробовать! Пропадешь, что муха въ морозъ!» Отвѣчаетъ Зорька-богатырь: «Я пришелъ не сказки сказывать, а на смертный бой».... Размахнулся своимъ мечомъ-кладенцомъ и срубилъ чуду-юду три головы.

Чудо-юдо подхватилъ эти головы, на мѣста посадилъ, — приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали.

Плохо пришлось Зорькѣ: сталъ змѣй одолѣвать его, по колѣна вогналъ въ сырую землю. «Стой, чудо-юдо!—говоритъ Зорька.—Цари-короли сражаются, и тѣ замиренье дѣлаютъ, а мы съ тобой неужто будемъ воевать безъ роздыху? Дай мнѣ роздыху хоть до трехъ разъ». Змѣй согласился. Снялъ Зорька съ правой руки рукавицу и кинулъ въ палатку. Затряслась палатка,—а Вечорка съ Полуночкой спятъ, ничего не слышатъ.

Размахнулся Зорька мечомъ сильнѣй прежняго, срубилъ чуду-юду сразу шесть головъ. А чудо-юдо обмокнулъ палецъ въ кровь, подхватилъ эти головы, на мѣста насадилъ,—приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали. Ударилъ змѣй Зорьку и забилъ его въ сырую землю по поясъ. Опять запросилъ Зорька роздыху, снялъ сапогъ съ правой ноги и кинулъ его въ палатку. Ударился сапогъ, опрокинулась палатка, а Вечорка съ Полуночкой все спятъ, ничего не слышатъ.

Размахнулся Зорька мечомъ что̀ хватило силъ, и срубилъ змѣю восемь головъ. Чудо-юдо обмокнулъ свой палецъ въ кровь, подхватилъ головы, на мѣста посадилъ,—приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали, а Зорьку вогналъ въ сыру землю по самыя плечи. Запросилъ Зорька въ третій разъ роздыху, снялъ съ головы желѣзный шлемъ и кинулъ въ палатку: дрогнула сыра-земля, сорвался съ цѣпи конь богатырскій, Вечорка съ Полуночкой проснулись. Глянули: кровь изъ миски черезъ край ручьемъ бѣжитъ. Бросились они коней сѣдлать, спѣшатъ брату старшему на выручку....

Прибѣжалъ богатырскій конь и говоритъ Зорькѣ человѣчьимъ голосомъ: «Не одолѣть тебѣ змѣя, пока у него мертвый палецъ есть: этимъ пальцемъ онъ себѣ головы приставляетъ». Сѣлъ Зорька на своего коня, налетѣлъ на змѣя яснымъ соколомъ; не столько мечемъ бьетъ, сколько конемъ топчетъ. Въ томъ бою змѣю не посчастливилось: отрубилъ ему Зорька руку правую съ мертвымъ пальцемъ, отрубилъ ему всѣ девять головъ; туловище на мелкія части разсѣкъ и въ рѣку бросилъ.

Тутъ и Вечорка съ Полуночкой подоспѣли. «Эхъ вы, сони!—говоритъ Зорька товарищамъ.—Гдѣ вамъ воевать: вы и стеречь-то путемъ не умѣете. Изъ-за вашего сна я чуть лютой смертью не пропалъ». Вынулъ онъ тутъ изъ подъ моста всѣ

головы змѣиныя, показалъ товарищамъ и пуще стыдить ихъ сталъ. Вечоркѣ съ Полуночкой тѣ рѣчи не по сердцу пришлись: молчатъ, насупились.

— «Что-жъ, братцы,— говоритъ Зорька, — намъ здѣсь не вѣкъ вѣковать: ѣдемъ дальше». Осѣдлали коней и поѣхали. Не далеко отъѣхавши, говоритъ Зорька товарищамъ: «Братцы, забылъ я въ палаткѣ плетку; поѣзжайте шажкомъ, я живо васъ догоню». Повернулъ назадъ къ рѣкѣ Смородинѣ, слѣзъ съ коня, коня въ заповѣдные луга пустилъ, самъ сѣлъ подъ калиновымъ мостомъ и слушаетъ.

Немного погодя, вышли изъ воды три змѣихи и стали совѣтъ держать: какъ имъ богатырей извести, за смерть мужей отплатить. Одна говоритъ: «Я забѣгу впередъ и пущу имъ день жаркій, а сама обернусь колодцемъ; въ томъ колодцѣ будетъ плавать серебряный ковшъ. Захотятъ богатыри сами напиться и коней напоить,—тутъ-то и разорветъ ихъ на маковыя зернышки». Другая говоритъ: «Коли это не поможетъ, я обернусь яблоней; на той яблонѣ будутъ висѣть яблоки спѣлыя, румяныя. Захотятъ богатыри съѣсть яблочко,—тутъ-то и разорветъ ихъ на маковыя зернышки». Третья говоритъ: «Коли и это не поможетъ, я обернусь избушкою; захотятъ богатыри заночевать, войдутъ въ избушку,—разорветъ ихъ на маковыя зернышки».

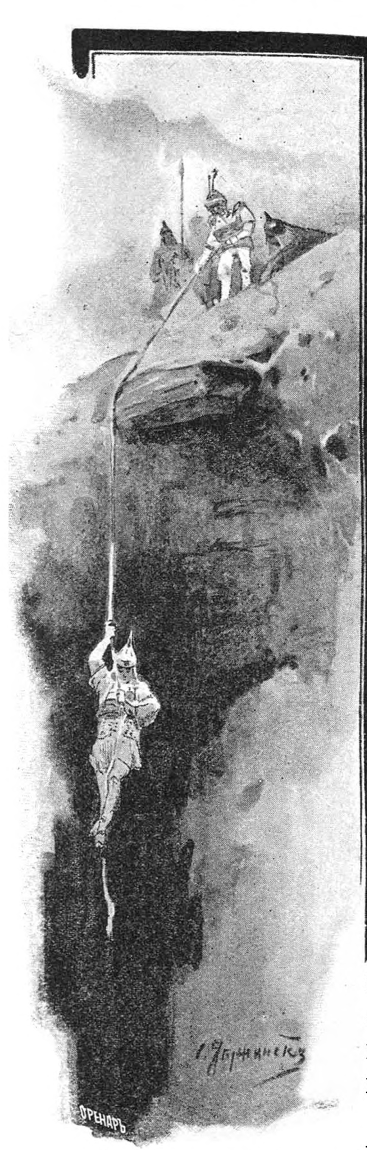
Перетолковали змѣихи, ушли въ рѣку Смородину. А Зорька кликнулъ изъ заповѣдныхъ луговъ своего коня и поѣхалъ нагонять товарищей.

Тѣмъ временемъ Вечорка съ Полуночкою ѣдутъ да ѣдутъ дорогой прямоѣзжею; глядь: въ полѣ палатка раскинута, а у той палатки конь привязанъ. Подъѣхалъ Полуночка, слѣзъ съ коня, заглянулъ въ палатку: тамъ на кровати Бѣлый-Полянинъ лежитъ. Какъ увидалъ онъ Полуночку,—не говоря худого слова,—хлопъ его мизинцемъ по лбу, да подъ кровать и бросилъ. Вечорка ждалъ-ждалъ товарища, не дождался и самъ въ палатку вошелъ. Разъ его хлопнулъ Бѣлый-Полянинъ мизинцемъ по лбу,—зашатался богатырь; въ другой хлопнулъ,—и совсѣмъ свалился. И его Бѣлый-Полянинъ подъ кровать бросилъ.

Наѣзжаетъ Зорька богатырь. Распахнулъ пологъ: «Богъ на помочь, молодецъ!—говоритъ.—Какъ тебя по имени звать, по отчеству величать?» А у Бѣлаго-Полянина одинъ отвѣтъ: изловчился онъ да Зорьку мизинцемъ по лбу хлопъ! Заговорило ретивое у Зорьки-богатыря: ухватилъ онъ Бѣлаго-Полянина за длинную бороду и ну таскать во всѣ стороны; самъ таскаетъ, приговариваетъ: «Не узнавъ броду, не суйся въ воду! Не узнавъ богатыря, не охальничай!» Взмолился Бѣлый-Полянинъ: «Смилуйся, сильномогучій богатырь! Не предавай меня злой смерти! Буду я тебѣ слугой вѣрнымъ». Зорька тому не вѣруетъ: вытащилъ изъ палатки Полянина, подвелъ къ столбу дубовому, раскололъ тотъ столбъ на двое, забилъ туда его длинную бороду и хочетъ Полянина злой смерти предать. Глядь: изъ палатки Вечорка съ Полуночкой вылѣзаютъ. А Бѣлый-Полянинъ пуще проситъ: «Смилуйтесь, богатыри! Знаю я, куда вы ѣдете: индѣйскихъ царевенъ добывать. Въ этомъ дѣлѣ и я вамъ пригожусь». Подумали-подумали богатыри и порѣшили простить Бѣлаго-Полянина. Только отрубилъ ему Зорька его длинную бороду, вытащилъ ее изъ столба и про всякій случай въ карманъ спряталъ. «Сказывай,—говоритъ Полянину:—что̀ тебѣ про царевенъ вѣдомо».—«Вѣдомо мнѣ, что унесъ ихъ двѣнадцатиглавый змѣй въ подземное царство, а ходъ туда знаетъ Баба-Яга. Лишь бы вамъ до нея добраться,—она вамъ всю дорогу разскажетъ, какъ по писаному». И напросился Бѣлый-Полянинъ богатырямъ въ товарищи.

Ѣдутъ богатыри голой степью; день жаркій, жажда измучила. Наѣхали на зеленый лугъ; на лугу трава-мурава, тутъ же и колодецъ стоитъ, въ немъ плаваетъ ковшикъ серебряный. Вечорка съ Полуночкой съ коней слѣзли, пить собираются. «Стойте, братцы!—говоритъ Зорька.—Колодецъ стоитъ въ степяхъ, въ даляхъ; никто изъ него воды не беретъ, не пьетъ». Соскочилъ онъ съ своего коня и давай тотъ колодецъ рубить,—только кровь брызжетъ. Вдругъ, сдѣлался день туманный, жара спала и пить не хочется. «Вотъ видите, братцы: какая вода настойная,—словно кровь,»—говоритъ Зорька-богатырь.

Поѣхали дальше. Голодъ богатырей мучитъ, а ѣсть нечего. Долго-ли, коротко-ли,—увидали они у дороги яблоню съ ябло-

Бросили въ пропасть ременный канатъ и стали спускаться поодиночкѣ.

ками спѣлыми, румяными. Говоритъ Полуночка товарищамъ: «Хоть по яблоку съѣдимъ, все легче будетъ». — «Нѣтъ, братцы, — отзывается Зорька: — стоитъ яблоня въ степяхъ, въ даляхъ, одна въ чистомъ полѣ; можетъ статься, яблоки-то на ней червивыя: съѣшь,—еще хворь нападетъ». Соскочилъ Зорька съ коня и давай яблоню сѣчь-рубить, — только кровь брызжетъ. А у товарищей и голодъ пропалъ.

Ѣдутъ дальше. Дѣло ужъ къ вечеру подходитъ. Видятъ богатыри: избушка въ полѣ стоитъ. «Скоро смеркнется, давайте, переночуемъ въ этой избушкѣ».— «Нѣтъ, — говоритъ Зорька, — лучше раскинемъ палатку, въ чистомъ полѣ переночуемъ. Эта избушка старая: того и гляди, упадетъ да насъ задавитъ». Соскочилъ съ своего коня, подошелъ къ избушкѣ и давай ее сѣчь-рубить,—только кровь брызжетъ. «Сами видите, — говоритъ, — какая это избушка: вся гнилая».

Ѣдутъ богатыри черезъ горы высокія, черезъ долы широкіе, черезъ рѣки глубокія. Заѣхали въ дремучій лѣсъ: свѣта Божьяго не видать. Въ томъ лѣсу стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, кругомъ поворачивается. Говоритъ Бѣлый-Полянинъ: «Избушка-избушка, стань къ лѣсу задомъ, къ намъ передомъ!» Вошли они въ нее, на лавку сѣли.

Вдругъ, застучало-загремѣло; откуда ни возьмись,—Баба-Яга, костяная нога въ желѣзной ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. Въѣхала въ избушку: «Что

за гости незванные?»—«Или не узнала меня, Баба-Яга?—спрашиваетъ Бѣлый-Полянинъ.—А помнишь: какъ мы съ тобой воевали тридцать лѣтъ безъ роздыху, какъ одолѣлъ я тебя, Ягу? Лютой смерти предать тебя нужно было, а я въ ту пору тебя помиловалъ».—«Батюшка, Бѣлый-Полянинъ! Прости меня, старуху, что не сразу тебя признала». — «Слушай, Баба-Яга! Ѣдемъ мы въ подземное царство, гдѣ живетъ двѣнадцатиглавый змѣй, что̀ у индѣйскаго султана дочерей унесъ; укажи намъ дорогу, какъ поближе проѣхать». Баба-Яга разсказала имъ всю дорогу, какъ по писаному.

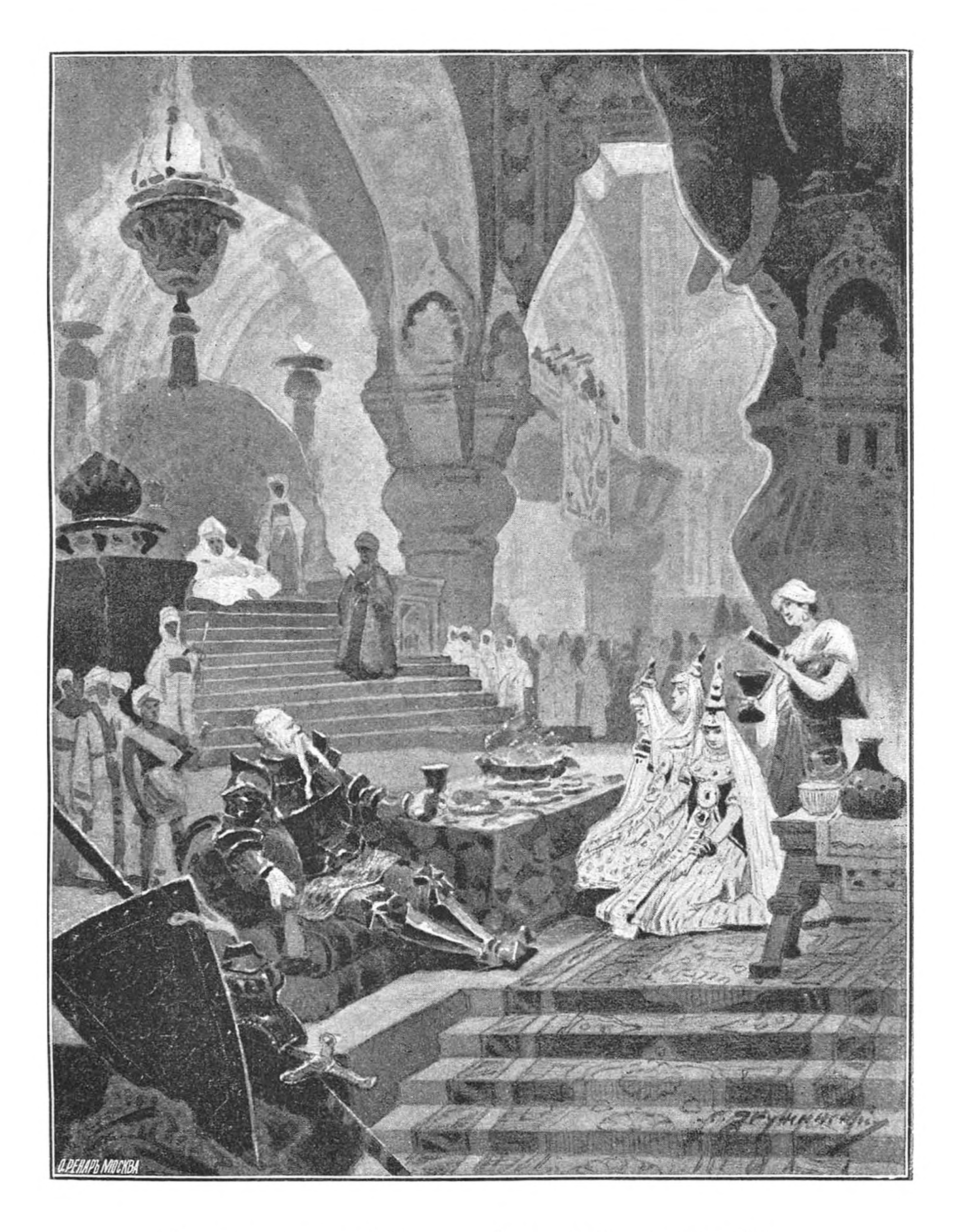
Держатъ путь богатыри все по лѣсу дремучему. Ѣхали-ѣхали и увидали про̀пасть темную, бездонную: заглянуть страшно. Тутъ и былъ ходъ въ подземное царство.

Ходъ нашли, а какъ спускаться?... Говоритъ Зорька товарищамъ: «Давайте, братцы, звѣрей ловить, изъ звѣриныхъ шкуръ ремни дѣлать: на тѣхъ ремняхъ и спустимся». Сказано,—сдѣлано. Кинули жеребій: кому оставаться богатырскихъ коней стеречь,—вышло Бѣлому-Полянину. Бросили въ пропасть ременный канатъ, стали спускаться поодиночкѣ: Зорька первымъ, потомъ Вечорка, потомъ Полуночка. А Бѣлому-Полянину наказъ дали: ихъ около пропасти дожидаться.

Спустились богатыри въ подземное царство. Видятъ: дворецъ стоитъ изъ чистаго серебра, крыша золотая, въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, камни самоцвѣтные вставлены. Вдругъ, земля дрогнула; словно буйный вихрь, налетѣлъ чудо-юдо змѣй двѣнадцатиголовый; пасти разинулъ, обдалъ богатырей дыханьемъ огненнымъ.... И началось тутъ побоище великое. Три дня, три ночи бились богатыри съ змѣемъ безъ роздыха,—по колѣна въ крови змѣиной стоятъ.... На четвертый день одолѣли змѣя.

Вошелъ Зорька съ товарищами во дворецъ,—а тамъ три царевны индѣйскія сидятъ, золотыми цѣпями къ стѣнѣ прикованы. Освободили ихъ богатыри. Крѣпко полюбились имъ прекрасныя царевны, тутъ и кольцами богатыри съ ними обмѣнялися.

Дѣло сдѣлано, пора и назадъ ворочаться. Пошли они, всѣ шестеро, къ тому мѣсту, гдѣ спустились. Старшую царевну привязали къ ременному канату,—вытащилъ ее Бѣлый-Поля-

А у султана индѣйскаго идетъ пиръ на весь міръ.

нинъ на вольный свѣтъ; привязали среднюю,—тоже вытащилъ; привязали младшую—и ее вытащилъ. Привязали Зорьку товарищи, сталъ Зорька подниматься—и упалъ: обрѣзалъ Бѣлый-Полянинъ ременный канатъ, чтобы богатыри свѣту бѣлаго больше не видѣли! Пропадать богатырямъ ни за грошъ, ни за денежку: не одолѣлъ ихъ чудо-юдо двѣнадцатиголовый змѣй, одолѣла хитрость злая....

А Полянинъ сѣлъ на своего коня, трехъ индѣйскихъ царевенъ впередъ себя посадилъ и пригрозилъ имъ лютой смертью, если кому правду скажутъ. Захотѣлъ было онъ и богатырскихъ коней за собой вести, да кони изъ его рукъ вырвались, зова не послушались. Такъ и оставилъ ихъ въ лѣсу Бѣлый-Полянинъ, а самъ поѣхалъ съ царевнами въ царство индѣйское.

Время идетъ да идетъ,—нѣтъ ни слуху, ни духу объ Зорькѣ, объ Вечоркѣ съ Полуночкою.

Спрашиваетъ въ своемъ темномъ лѣсу знахарь солнце красное: «Не видало-ль ты трехъ сильномогучихъ богатырей Зорьку, Вечорку съ Полуночкою?»—«Нѣтъ, не видало».—«Не видалъ-ли ты, мѣсяцъ ясный?»—«Нѣтъ, не видалъ.»—«Не видалъ-ли ты, вѣтеръ буйный?»—«Нѣтъ, не видалъ». Вышелъ знахарь въ поле чистое, свиснулъ громкимъ посвистомъ: не откликнутся-ли кони богатырскіе? Глядь: Зорькинъ конь бѣжитъ. «Гдѣ-жъ хозяинъ твой?» — «Мой хозяинъ съ товарищами въ подземномъ царствѣ сидитъ и погибать имъ тамъ, коли ты ихъ не выручишь.»

Кликнулъ тогда знахарь Ворона-Вороновича и приказалъ ему вынести богатырей изъ подземнаго царства на вольный свѣтъ. Полетѣлъ Воронъ-Вороновичъ, подхватилъ Зорьку, Вечорку съ Полуночкою на свои крылья могучія и вынесъ ихъ на вольный бѣлый свѣтъ. Сѣли они на своихъ коней и поѣхали въ индѣйское царство.

А у султана индѣйскаго идетъ пиръ на весь міръ, на радостяхъ, что царевны сыскалися. Сняли съ себя Зорька, Вечорка и Полуночка доспѣхи богатырскіе, забрались въ султанскія палаты и стали служить у стола простыми слугами. Смотрятъ: сидитъ Бѣлый-Полянинъ на первомъ мѣстѣ, величается, а противъ него за столомъ—индѣйскія царевны сидятъ не веселы, пригорюнились. Величается Бѣлый-Полянинъ, индѣй-

скому султану похваляется: какъ онъ его дочерей отъ лютаго змѣя выручилъ, какъ онъ за нихъ свою кровъ проливалъ, бился со змѣемъ три дня, три ночи безъ отдыха.

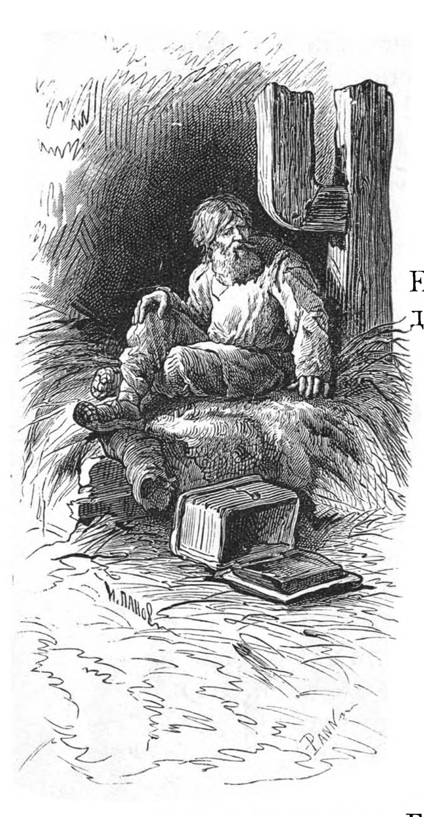
Потихоньку зашли Зорька, Вечорка и Полуночка сзади индѣйскихъ царевенъ и положили имъ на блюдо по золотому колечку, что царевны имъ въ подземномъ царствѣ дали.

А Бѣлый-Полянинъ сидитъ, еще пуще хвастается, разсказываетъ: какъ онъ трехъ сильномогучихъ богатырей, Зорьку, Вечорку да Полуночку, одинъ побѣдилъ и смерти предалъ за то, что они у него на пути царевенъ отнять хотѣли.

Вышелъ тутъ впередъ Зорька и говоритъ: «А не въ томъ-ли бою, храбрый витязь, ты свою бороду потерялъ? Вотъ тебѣ она!» Кинулъ Полянину въ глаза его бороду и разсказалъ: какъ они его помиловали, смерти не предали, а онъ—ихъ въ подземномъ царствѣ покинулъ и царевенъ увезъ. И царевны ту зорькину рѣчь утвердили, богатырей своими избавителями назвали.

Приказалъ султанъ, не медля, Бѣлаго-Полянина казнить смертью, а за Зорьку, Вечорку и Полуночку своихъ дочерей замужъ выдалъ. Хотѣлъ-было дать за дочерями въ приданое по полуцарству, да одному жениху полцарства не хватило. Оттого-то Полуночка, царскій сынъ, и взялъ себѣ жену безъ приданаго.

Какъ мужикъ гречиху покорилъ.

ЕГО на свѣтѣ не бываетъ!... Было и такое дѣло, что жилъ въ одной деревнѣ мужикъ Филатъ,— куда-какъ на работу плоховатъ. Ему бы землю пахать,— а онъ только и норовитъ, какъ бы на боку лежать. Разъ, приплелся Филатъ откуда-то домой, жена ему и говоритъ: «Эхъ ты, лодырь! Я ужъ и гречиху безъ тебя обмолотила. Пошелъ бы ты, да хоть въ мѣшки ее ссыпалъ.» — «Ладно».... Пришелъ Филатъ на гумно, сѣлъ на солому и думаетъ: «Ишь, сколько гречихи баба намолотила. Когда-то еще ее въ мѣшки ссыпешь. То-ли дѣло, кабы гречиха сама въ мѣшки влѣзла. Ну-ка, попробую».

Сказано,— сдѣлано. Раскрылъ онъ мѣшокъ и говоритъ: «Гречиха, а гречиха! Полѣзай въ мѣшокъ». А Гречиха ему: «Били меня, колотили меня, да чтобъ я еще въ мѣшокъ сама лѣзла. Не хочу!» — «Ахъ ты, такая-сякая; хозяина не слушаешься! Погоди-жъ, я съ тобой управлюсь.... Эй, Мыши, идите Гречиху ѣсть!»—«Нашелъ дураковъ!—говорятъ Мыши. — Мы ужъ пшеницы наѣлись; станемъ объ твою гречиху зубы бить».

Разсердился мужикъ: «Это что за бунтъ!—говоритъ.—И Мыши меня не слушаются. Пошлю на нихъ Кота-Ваську». Пришелъ домой и говоритъ Коту: «Вася, а Вася, иди на гумно Мышей ловить: Мыши не хотятъ Гречиху ѣсть, Гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть». А Васька лежитъ на печкѣ, хвостомъ виляетъ, хозяину отвѣчаетъ: «Не пойду: у меня и дома мышей ловить, не переловить».

Еще пуще разсердился мужикъ: «Ну, постой же ты, Котъ: вотъ пошлю на тебя Собаку,—узнаешь, какъ хозяина не слушаться». Пошелъ на дворъ и давай кликать: «Жучка, а Жучка! Ступай Кота-Ваську давить: Котъ не хочетъ Мышей ловить, Мыши не хотятъ Гречиху ѣсть, Гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть». А Жучка свое дѣло знаетъ: хвостомъ виляетъ, къ хозяину идетъ и такую рѣчь ведетъ: «Хоть и говорятъ, что хуже никто не живетъ, какъ кошка съ собакой, только это напраслина. Какъ я стану Ваську давить, коли онъ мнѣ кумъ?»

— «Что это у меня дома все непорядки?—думаетъ мужикъ.— Пойду, на Жучку Волку пожалуюсь». Пришелъ въ лѣсъ, видитъ: подъ кустомъ Волкъ лежитъ. «Волкъ, а Волкъ! Пойди, разорви мою Жучку: Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ Мышей ловить, Мыши не хотятъ Гречиху ѣсть, а Гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть».—«Не хочу я идти ѣсть твою Жучку: я сейчасъ барана съѣлъ. Ступай-ка ты лучше по добру, по здорову, пока я тебя самого не разорвалъ!»

— «Ну, постой же ты, Волкъ,—говоритъ мужикъ,—пошлю на тебя Людей!» Пришелъ въ село и говоритъ. «Пожалѣйте меня, Люди добрые; подите, застрѣлите Волка: Волкъ не хочетъ Жучку душить, Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ Мышей ловить, Мыши не хотятъ Гречиху ѣсть, а Гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть».—«Ну тебя,—говорятъ мужики:—есть намъ время съ твоими волками путаться. Надо стараться, какъ бы подати заплатить».

— «А, коли не хотите мнѣ помочь, пойду, напущу на васъ краснаго пѣтуха!» Пошелъ Филатъ къ Огню: «Батюшка, Ясный-Огонь, поди, сожги село: Люди не идутъ Волка бить, Волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ Мышей ловить, Мыши не идутъ Гречиху ѣсть, а Гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть».—«И такъ про меня худая слава идетъ, будто я самъ села жгу,—говоритъ Огонь.—Да теперь мнѣ и не досугъ, видишь: я картошку пеку. Не пойду!»

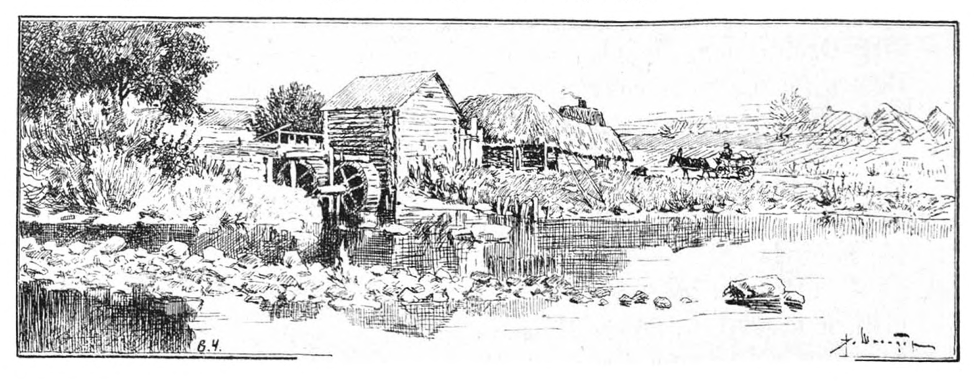
— «Погоди же ты, Огонь: я пошлю на тебя Воду,—тутъ тебѣ и конецъ будетъ!» Пошелъ мужикъ къ рѣкѣ и давай ее просить: «Матушка, Студеная-Водица, поди Огонь гасить: Огонь

не хочетъ Село палить, Село не идетъ Волка бить, Волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ Мышей ловить, Мыши не идутъ Гречиху ѣсть, а Гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть».—«Отвяжись,—говоритъ Вода,—видишь: меня и такъ мало, насилу мельницу верчу. Не пойду!»

— «Хорошо же,—говоритъ мужикъ,—пошлю на тебя Землю: засыпетъ она тебя, только тебя и видѣли.... Кормилица, мать Сыра-Земля, только на тебя теперь у меня и надежды. Пойди. засыпь Рѣку.... А то Вода не идетъ Огонь гасить, Огонь не идетъ Село палить, Село не идетъ Волка бить, Волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ Мышей ловить, Мыши не идутъ Гречиху ѣсть, Гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть».—«То-то,—говоритъ Земля:—всѣ вы на меня надѣетесь. Пойди-ка, возьми лопату да кидай меня въ рѣку. Такъ и быть ужъ: тогда я тебѣ Рѣку засыплю».

Мужикъ Филатъ тому и радъ: побѣжалъ домой, схватилъ лопату и давай Землю въ Рѣку кидать. День кидаетъ, два кидаетъ, три кидаетъ.... Пошла Рѣка Огонь гасить, пошелъ Огонь Село палить, пошло Село Волка бить, пошелъ Волкъ Жучку душить, пошла Жучка Ваську давить, пошелъ Васька Мышей ловить, пошли Мыши Гречиху ѣсть, пошла Гречиха въ мѣшки лѣзть.

Взяла баба тѣ мѣшки, свезла на мельницу, намолола муки, напекла блиновъ. Тѣ блины и я ѣлъ; наѣвшись, на печи заснулъ—и эту самую сказку во снѣ увидалъ.

Орелъ и Сова.

ЖИЛА-БЫЛА въ лѣсу Сова; разъ, полетѣла она въ поле, а навстрѣчу ей Орелъ. «Здравствуй, Совушка-Сова, горемычная вдова!»—«Здравствуй, батюшка Сизый-Орелъ».—«Куда, Совушка, путь держишь?»—«Въ поле лечу: мышей ловить, малыхъ дѣтушекъ кормить. А ты куда?» — «Я въ лѣсъ, добычи искать, моимъ орлятамъ кормъ добывать».

Испугалась Сова за своихъ дѣтей: «Батюшка, Сизый-Орелъ, — говоритъ, — будешь по лѣсу птицъ бить, не погуби моихъ дѣтушекъ, малыхъ Совенятушекъ».—«Да какъ же я узнаю: какія твои дѣти, какія не твои?»— «Что ты, Орелъ? Какъ моихъ не узнать: краше ихъ во всемъ лѣсу птичекъ нѣтъ».

Обѣщалъ Орелъ совиныхъ дѣтокъ не трогать и полетѣлъ въ лѣсъ. Нашелъ одно гнѣздо: сидятъ въ немъ птенчики маленькіе, хорошенькіе; желтые ротики разѣваютъ, пищатъ жалобно. «Не трону ихъ,— думаетъ Орелъ. – Ишь, какіе хорошенькіе: пожалуй, не совиныя ли дѣтки». И полетѣлъ дальше.

Нашелъ другое гнѣздо,—въ немъ птенчики еще лучше, въ третьемъ—еще красивѣе. Что тутъ дѣлать? Обѣщалъ Совѣ ея

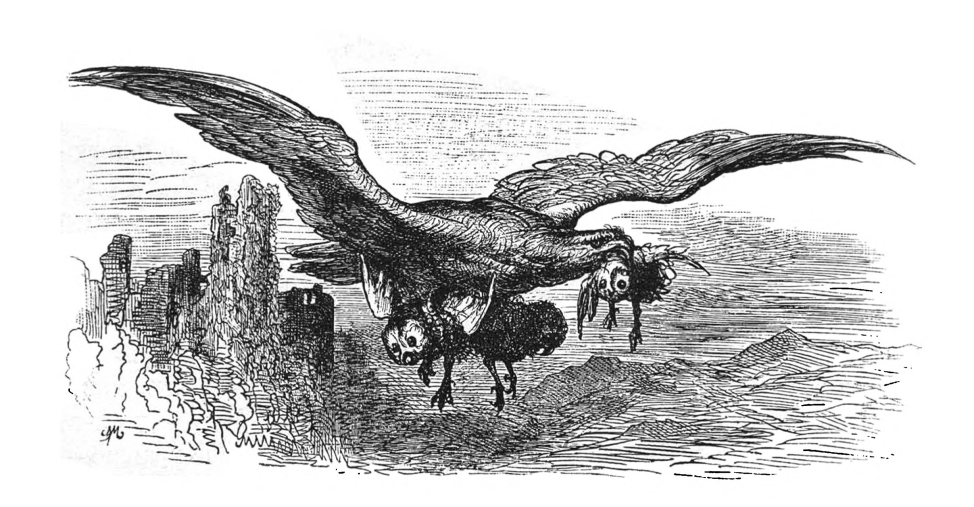

Видитъ Орелъ: большое гнѣздо, а въ немъ пятеро птенцовъ.

дѣтокъ не трогать,—надо держать слово; а въ какомъ гнѣздѣ Совенята,—не знаетъ Орелъ: во всѣхъ птенчики хороши.

Леталъ-леталъ Орелъ по лѣсу; вдругъ, видитъ: большое гнѣздо, а въ немъ пятеро птенцовъ,—головы большія, круглыя, шеи тонкія, сами голые—кое-гдѣ пухъ торчитъ,—глаза кошачьи, носы кривые; орутъ противнымъ голосомъ. «Вотъ такъ уроды!—думаетъ Орелъ.—Ужъ эти, навѣрно, не совиныя дѣти». Схватилъ ихъ, передушилъ и тащитъ къ себѣ. А навстрѣчу ему Сова: «Батюшка, Сизый-Орелъ! Что жъ ты это сдѣлалъ? Погубилъ моихъ дѣтушекъ, малыхъ Совенятушекъ ненаглядныхъ!»—«Да развѣ это твои, Сова, дѣтки? Твои-то, ты говорила, красивые, а хуже этихъ я во всемъ лѣсу не нашелъ».—«Что ты, Орелъ? Ужъ чего моихъ дѣтей краше!»...

Стало быть, не даромъ пословица говорится: «Дитя, хоть криво, да отцу съ матерью мило».

Журавль и Цапля.

На одномъ болотѣ, да въ разныхъ концахъ жили-были Журавль и Цапля. Наскучило Журавлю холостое житье: «Пойду-ка я,—думаетъ,—къ Цаплѣ, посватаюсь; чѣмъ не жена будетъ?» Пошелъ Журавль къ Цаплѣ: тяпъ-ляпъ, тяпъ-ляпъ,—семь верстъ болото мѣсилъ. «Здравствуй, Цапля».—«Здравствуй, Журавль».—«Иди, Цапля, за меня замужъ».—«Ишь, чего захотѣлъ! У тебя ноги долгія, платье короткое, плохо летаешь: жену прокормить не сможешь. Пошелъ прочь, долговязый!» Обидѣлся Журавль и ушелъ.

Какъ ушелъ онъ, Цапля раздумалась: «Эхъ, не напрасно-ли я Журавля прогнала? Гдѣ ужъ нынче жениховъ очень выбирать. Пойду, скажу, что согласна». Пришла, стучитъ къ Журавлю въ двери: «Журавль, а Журавль!»—«Чего тебѣ?»—«Ну ладно, такъ и быть, пойду за тебя замужъ».—«Нѣтъ, Цапля, не надо мнѣ тебя. Не хочу жениться, не беру тебя замужъ. Убирайся откуда пришла!» Заплакала Цапля со стыда и воротилась домой.

А Журавль, какъ остался одинъ, сталъ думать: «Чего я такъ на Цаплю разсердился? Извѣстно, ихъ дѣло дѣвичье: нельзя не поломаться. Да и скучно же одному! Пойду, возьму Цаплю замужъ». Пришелъ и говоритъ: «Цапля, я къ тебѣ: иди за меня замужъ».—«Нѣтъ, Журавль, ты меня осрамилъ. Не пойду за тебя».—Пошелъ Журавль домой, не солоно хлебавши, а Цапля опять раздумалась: «Зачѣмъ отказала? Что одной-то жить? Лучше пойду за Журавля». Приходитъ къ Журавлю,—Журавль не хочетъ, прогналъ Цаплю. Прогналъ, да потомъ одумался,—идетъ къ цаплѣ.... Опять—Цапля не хочетъ....

Такъ-то и по сю пору ходятъ они одинъ къ другому свататься, да никакъ не женятся.

Пузырекъ, Соломенка и Уголь.

бабушки, у старушки лежалъ пузырекъ въ кладушкѣ*). Отворила разъ старушка свою кладушку,— Пузырекъ-то и выскочи. Выскочилъ и давай храбровать: «Нѣтъ мнѣ, Пузырьку, здѣсь удальца равнаго, не съ кѣмъ мнѣ, богатырю, силой помѣряться. Пойду въ чужедальные края, въ Іерусалимъ-градъ, съ бусурманами воевать». Набралъ себѣ Пузырь храбрыхъ товарищей, Уголька да Соломенку, и пошли они въ невѣдомые края: черезъ порогъ—въ сѣни, съ сѣней—на крыльцо. А у того крыльца увидали молодцы широкое озеро: цѣлое ведро воды дѣвка пролила.

Говоритъ Пузырь-богатырь: «Перекинься ты, Соломенка, черезъ озеро съ берега на берегъ: мы по тебѣ перейдемъ». Перекинулась Соломенка. Уголекъ,—онъ горячій,—впередъ прыгнулъ. На самой серединѣ озера замутило у Уголька со страху въ головѣ, остановился онъ.... Какъ закричитъ Соломенка: «Батюшки, жарко! Родимые, горю! Жжетъ меня Уголь!».... Перегорѣла да и бултыхъ вмѣстѣ съ Уголькомъ въ воду. А Пузырекъ хохоталъ-хохоталъ; смѣючись, съ крыльца свалился—и объ камень разбился.

Кабы не эта бѣда,—не видать бы теперь бусурманамъ Іерусалима-града!

*) Кладушка,—то же, что „укладка“,—сундукъ.

ЖИЛИ-БЫЛИ въ одной деревнѣ два сосѣда, Иванъ да Наумъ,—оба портные. Разъ, согласились они идти въ другія волости, промышлять своимъ мастерствомъ. Пришли въ одно село, начали бабъ да мужиковъ обшивать и заработали по двадцати рублей на брата.

Идутъ въ другую волость, и заспорили дорогой: какъ лучше жить,—правдой или кривдой. Наумъ говоритъ: «Правдой нужно жить», а Иванъ ему: «Врешь ты: изъ господъ-ли, изъ купцовъ, или изъ нашего брата, мужиковъ,—кто умѣетъ кривить, тотъ и въ сапогахъ ходитъ. А у насъ на деревнѣ, знаешь, чай, старика Архипа? Весь свой вѣкъ прожилъ правдою,—ни сапоговъ, ни хорошаго платья отъ-роду не нашивалъ». Наумъ на своемъ стоитъ, не соглашается. Вотъ, ударились они объ закладъ, и такой между собой уговоръ положили: дойти до перваго села и спросить у людей: чѣмъ лучше жить? Если скажутъ: правдою, — то криводушный отдастъ правдивому свои двадцать рублей; а если скажутъ: кривдою,—пусть правдивый расплачивается.

Пришли въ село, стали по избамъ ходить да спрашивать: «Скажите, люди добрые, чѣмъ лучше жить: правдою или кривдою?» Только, кого ни спросятъ, отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: «Какая теперь правда! За правду не то, что не похвалятъ, а еще скажутъ: кляузникъ».—«Нашли, о чемъ толковать! Само собой, кривдою жить лучше: кривда въ сапогахъ ходитъ, а правда въ лаптяхъ»... Отдалъ Наумъ Ивану двадцать рублей.

Принялись они по прежнему работать, бабъ, мужиковъ обшивать. Заработали по тридцати рублей на брата и пошли въ третью волость.

Дорогой — тѣ же разговоры: чѣмъ лучше жить? Опять поспорили и ударились объ закладъ на тридцать рублей. Дошли до села, а навстрѣчу купецъ ѣдетъ. «Ваше степенство! Рѣши ты нашъ споръ: чѣмъ лучше жить на свѣтѣ, — правдой или кривдой?» Отвѣчаетъ купецъ: «Отцы наши говаривали: не обманешь,—не продашь. Такъ неужто намъ умнѣй ихъ быть? Наше дѣло купеческое. Правдой сытъ не будешь, кривдой не подавишься; люди ложь,—мы тожъ?».... Отдалъ Наумъ Ивану тридцать рублей.

Заработали они въ этомъ селѣ по пятидесяти рублей на брата; дорогой идучи, опять заспорили и порѣшили на томъ: кто теперь проспоритъ, пусть отдастъ другому всѣ пятьдесятъ рублей. Ѣдетъ имъ навстрѣчу баринъ. «Такъ и такъ, сударь,— говорятъ:—рѣши ты нашъ споръ. Какъ рѣшишь, такъ тому дѣлу и быть». Говоритъ баринъ: «Нечего и спрашивать: всѣ люди на одну стать, всѣ кривдой живутъ». Взялъ Иванъ у Наума пятьдесятъ рублей и пошли они дальше.

Пришлось имъ идти лѣсомъ и застигла ихъ темная ночь,— зги не видно; бредутъ они ощупью, съ дороги вовсе сбились. Какъ разсвѣло, стали они искать дороги,—нѣтъ ни дорожки ни тропиночки: кругомъ дремучій - темный лѣсъ безъ конца-края. Пробродили цѣлый день; вечеромъ вынулъ Иванъ-криводушный изъ котомки каравай хлѣба и сталъ ужинать,—а Науму поѣсть нечего: ничего онъ съ собой въ дорогу не взялъ. Подумалъ, было, онъ: не подѣлится ли съ нимъ Иванъ,—только Иванъ поѣлъ, хлѣбъ въ тряпочку завернулъ и въ котомку уложилъ. Такъ и легъ Наумъ не ѣвши.

Кое-какъ проворочался онъ ночь, всталъ утромъ натощахъ,— не подъ силу ужъ ему смотрѣть, какъ товарищъ за хлѣбъ принялся,—и сталъ онъ просить у него хоть кусочка. Не далъ Иванъ: «Ты, братъ, правдивый, на правду надѣешься. Пусть она тебя и кормитъ».

Опять цѣлый день плутали; къ вечеру Наумъ ужъ чуть-чуть ноги передвигаетъ,—отощалъ совсѣмъ. Какъ сѣли отдыхать,

да принялся Иванъ ѣсть,—началъ его Наумъ опять объ кусочкѣ хлѣба молить. «Ладно, — говоритъ Иванъ, — пусть ужъ моя кривда теперь тебя выручитъ: давай, я выколю тебѣ глазъ,— тогда дамъ хлѣба». Подумалъ-подумалъ Наумъ: «Ну, нà,—говоритъ,—колй глазъ, если въ тебѣ жалости нѣтъ». Выкололъ ему глазъ Иванъ и далъ кусочекъ хлѣбца.

На утро насилу поднялся Наумъ и побрелъ вслѣдъ за товарищемъ. Сѣли отдыхать, и говоритъ онъ Ивану: «Христомъ Богомъ прошу: дай еще кусочекъ хлѣба, а то совсѣмъ помираю».— «Ладно, ради моей кривды, дамъ еще кусокъ, коли позволишь и второй глазъ выколоть». Испугался Наумъ, сталъ просить-молить товарища, чтобы покормилъ его тàкъ; обѣщаетъ на всю жизнь къ нему въ батраки пойти. Нѣтъ, не соглашается Иванъ; всталъ и уходить хочетъ. Еще больше испугался Наумъ: страшно одному въ лѣсу оставаться,—голодной смертью помирать; а подняться, съ голоду, не можетъ. «Да ужъ нечего раздумывать,—говоритъ Иванъ,—давай глазъ; такъ и быть, покормлю тебя, тогда и поведу за собой, слѣпого». Заплакалъ Наумъ, обернулся кругомъ, поглядѣлъ въ послѣдній разъ на бѣлый свѣтъ, на ясное солнышко, и говоритъ: «Богъ съ тобой, нà, колй послѣдній глазъ, если тебѣ ужъ такъ этого хочется!»

Выкололъ ему Иванъ послѣдній глазъ, далъ кусочекъ хлѣбца; а какъ поѣлъ онъ,—привязалъ ему къ рукѣ веревочку и повелъ за собою. Отошли они немного, надоѣло Ивану вести за собой слѣпого; вотъ, онъ завелъ его въ болото и бросилъ тамъ. «Прощай, — говоритъ, — кумъ, не поминай меня лихомъ, съ своей правдой въ болотѣ сидючи». И ушелъ.

Загоревалъ-затужилъ Наумъ: «Видно, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ правды на свѣтѣ; одолѣла меня кривда!» Выбился коекакъ изъ болота, бредетъ ощупью, и вдругъ слышится ему голосъ: «Поверни направо и иди все прямикомъ. Дойдешь до самой чащи, найдешь тропинку; приведетъ она тебя къ старому дубу. Ты на тотъ дубъ влѣзь, ночи дождись и слушай: чтò кто подъ дубомъ скажетъ. Кàкъ услышишь, такъ и дѣлай».

Повернулъ Наумъ направо, по тропинкѣ, дошелъ до дуба, влѣзъ на него и сталъ слушать.

А я сегодня три хорошихъ дѣла сдѣлала,— говоритъ Кривда.

Подошло время къ полуночи, приходятъ подъ дубъ двое,— Правда и Кривда. Правда въ лаптяхъ, Кривда въ сапогахъ. Говоритъ Кривда: «Я сегодня три хорошихъ дѣла сдѣлала. Первое дѣло,—у помѣщика воду отняла: пусть его погорюетъ! Второе дѣло,— царскую дочь испортила: пусть царь поплачетъ! Третье дѣло лучше всего,—Иванъ Науму глаза выкололъ. Подѣломъ Науму: мало меня почиталъ». Говоритъ Правда: «А все-таки, Кривда, твое дѣло недолговѣчное. Велитъ помѣщикъ раскопать калиновый кустъ, чтò въ оврагѣ стоитъ—и вода у него будетъ; велитъ царь отъ той березы, чтò на высокой горѣ противъ его дворца стоитъ, отмѣрить двѣнадцать саженъ на восходъ солнца, землю тутъ разрыть и крестъ, чтò въ землѣ лежитъ, найти, да тѣмъ крестомъ царевну благословить — и царевна выздоровѣетъ. Умоется Наумъ водой изъ гремучаго ключа, чтò изъ подъ этого дуба бѣжитъ—и прозрѣетъ».

Перетолковали Правда съ Кривдой и разошлись. Наумъ слѣзъ съ дуба, прислушивается: тутъ и ключъ журчитъ. Нашелъ ключъ, умылся — и сталъ зрячимъ по прежнему. Ночь въ лѣсу переночевалъ, а поутру въ путь-дорогу пустился.

Не долго и шелъ онъ, глядь: просвѣтъ показался, лѣсъ кончился; около лѣса идетъ большая дорога. Пошелъ онъ этой дорогою, приходитъ въ барскую усадьбу. Зашелъ, было, водицы попросить—напиться, а ему говорятъ: «Иди съ Богомъ! У насъ вода дорогая: за десять верстъ пò-воду ѣздимъ. Нашъ помѣщикъ просто озолотилъ бы того, кто бы ему воды на мѣстѣ досталъ». Попросилъ тогда Наумъ, чтобы его къ помѣщику провели. «Такъ и такъ,—говоритъ:—слышалъ я про вашу, сударь, бѣду и могу ей помочь». Помѣщикъ и слушать не хочетъ: «У меня,— говоритъ, — сколько тутъ колодезниковъ перебывало! Только деньги съ меня брали, а ничего не сдѣлали».—«Да мнѣ денегъ не нужно».—«Когда такъ, попробуй». Наумъ взялъ двухъ работниковъ, пошелъ въ оврагъ, раскопалъ калиновый кустъ, а вода изъ-подъ него какъ хлынетъ,—весь оврагъ залила. Диву дался помѣщикъ; не знаетъ, какъ и благодарить Наума. Полный кошель серебра ему отсыпалъ.

Пожилъ здѣсь Наумъ день-другой, пошелъ дальше. Не даромъ пословица молвится: языкъ до Кіева доведетъ. Такъ и

Науму помогли добрые люди до царя добраться. «Ваше величество,—говоритъ царю Наумъ,—слышалъ я про вашу бѣду, что дочка у васъ больна. Этому дѣлу я помочь могу». Отвѣчаетъ ему царь: «Сколько у меня лѣкарей, ученыхъ людей, перебывало,—ничего не помогли; а ты и подавно не поможешь». А Наумъ все на своемъ стоитъ. «Ну,—говоритъ царь,—помогай. Только, ѐсли хуже будетъ,—сейчасъ тебѣ голову долой!»—«На то ваша царская воля». Взялъ Наумъ двухъ слугъ царскихъ, пошелъ съ ними на ту гору, что̀ противъ дворца стояла, отмѣрилъ отъ березы двѣнадцать сажень на восходъ солнца; стали тутъ землю копать,—крестъ нашли. Благословилъ Наумъ тѣмъ крестомъ царевну, — выздоровѣла царевна. Несказанно царь обрадовался: «Проси у меня, чего хочешь, — говоритъ Науму.—Хочешь, дочь за тебя отдамъ?»—«Что вы, ваше величество! Куда мнѣ, мужику, въ царскую родню лѣзть. Я и ступить-то по придворному не умѣю». Отсыпалъ царь Науму цѣлый четверикъ золота и отпустилъ Наума съ великою честью.

Вернулся Наумъ на родину, новую избу купилъ, всѣмъ хозяйствомъ за̀ново обзавелся. Стала молва идти по деревнѣ: разбогатѣлъ-де Наумъ, у самого царя въ гостяхъ побывалъ. «Что за притча?—думаетъ Иванъ.—И съ глазами Наумъ и съ деньгами. Надо провѣдать его». И пошелъ къ нему въ гости.

— «Съ новосельемъ, кумъ!»—«Спасибо».—«Ты ужъ на меня, сдѣлай милость, за прежнее не сердись; вѣдь, самъ знаешь: уговоръ такой былъ».—«Ничего, слава Богу, я опять зрячимъ сталъ».—«Говорятъ на деревнѣ, будто ты съ большими деньгами пришелъ, у царя въ гостяхъ побывалъ». Промолчалъ на это Наумъ. Видитъ Иванъ, что такъ толку не добьешься, дождался, пока подали угощеніе; тутъ у хозяина языкъ развязался, и разсказалъ онъ гостю: какъ услыхалъ голосъ на дорогѣ, этого голоса послушался и богачомъ сталъ.

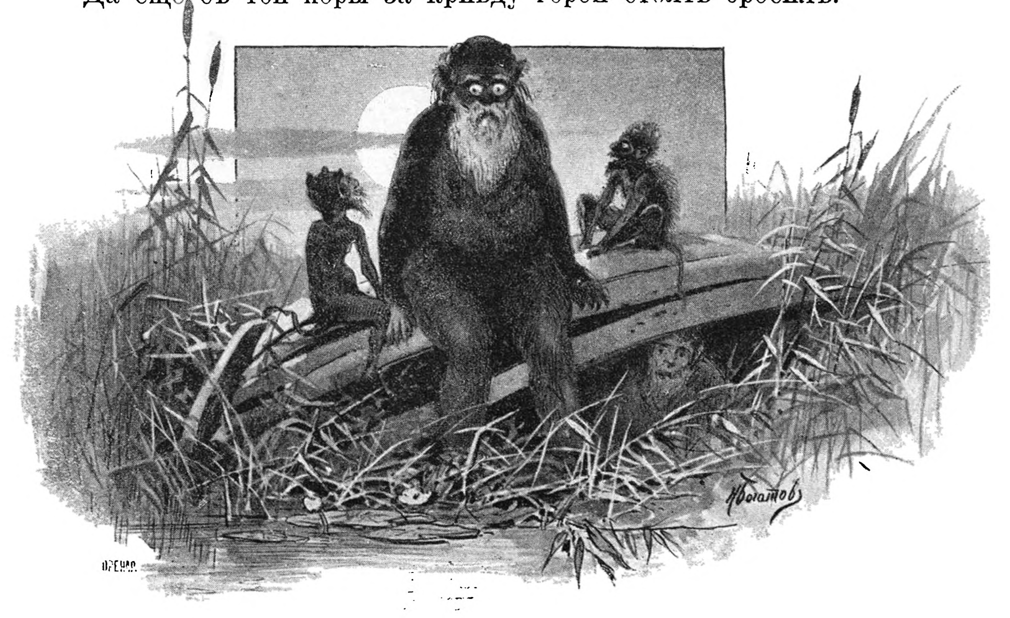
Вспало на умъ Ивану это средство испробовать. Да вотъ горе: гдѣ тотъ дубъ сыскать, подъ которымъ Наумъ разговоръ слышалъ? А самъ Наумъ это мѣсто вовсе запамятовалъ. И порѣшилъ Иванъ идти къ знахарю за совѣтомъ.

Говоритъ ему знахарь: «Незачѣмъ тебѣ дуба искать: я лучше мѣсто знаю. Выходи ты въ самую полночь на болото; тамъ

увидишь старую лодку. Залѣзь ты подъ нее и слушай: что кто скажетъ. Какъ услышишь, такъ и дѣлай».

Лежитъ Иванъ подъ лодкой, слушаетъ. Въ самую полночь вылѣзли изъ болота трое: старый Дѣдушка-Болотникъ и двое чертенятъ. Сѣли на днище. «Чудныя дѣла на свѣтѣ творятся,— говоритъ Дѣдушка:—то все кривда одолѣвала, а теперь и правда въ силу входитъ. Слышали, дѣтки: какое счастье Науму-то привалило? Надо бы ему какую пакость придумать!» Иванъ насторожилъ уши, хотѣлъ голову изъ-подъ лодки высунуть, чтобы лучше слышать, да лодку-то и толкни. Всполошились чертенята, вскочили, перевернули лодку и вытащили Ивана. Какъ завизжатъ: «Батюшки, чужой!»—«Да ужъ не Наумъ-ли это?»—кричитъ Болотникъ... Плохо пришлось тутъ Ивану,—такъ плохо, что еслибъ скоро пѣтухъ не пропѣлъ, не быть бы ему живому. Избили его черти до полусмерти и въ болото бросили.

Утромъ шли мимо мужики, увидали Ивана въ болотѣ, вытащили и отвели въ деревню. Сколько ни допытывались отъ него: какъ онъ въ болото попалъ,—не сказалъ Иванъ. Только промолвилъ: «И другу и недругу закажу знахарямъ вѣрить». Да еще съ той поры за кривду горой стоять бросилъ.

ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА **А. Д. СТУПИНА,** въ Москвѣ, на Никольской ул., ряд. съ Ремесленной управой.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Для подарка и наградъ дѣтямъ!

СКАЗКИ Русскаго народа.

Избраны, изложены и редактированы *В. А. Гатцукомъ.*

ИЗЯЩНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Рисунки исполнены худож. Богатовымъ, Ягужинскимъ, Синцовымъ и др.

Зиньетки и заглавныя буквы отдѣланы *въ русскомъ стилѣ.*

Министерства Народнаго Просвѣщенія Одобрены для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній

Цѣна за каждый по **25** коп. Въ 2 томахъ въ изящной папкѣ за кажд. томъ по **1** р. **50** к., въ одномъ томѣ 10 вып. въ изящ. папкѣ **2** р. **75** к.. въ коленкор. переплетѣ—**3** руб. **25** коп.

Наши народныя сказки, во всей ихъ красотѣ, сравнительно мало знакомы дѣтямъ: — причиною тому служитъ то, что онѣ по большей части или носятъ характеръ такъ назыв. лубочнаго изданія т. е.,—совершенно необработаны, или же даются дѣтямъ во всемъ ихъ тяжело научномъ видѣ. Нашъ же сборникъ имѣетъ своею цѣлію дать возможность дѣтямъ познакомиться съ неисчерпаемымъ богатствомъ нашихъ народныхъ сказокъ въ обработанномъ и вполнѣ пригодномъ для ихъ возраста видѣ. Эта цѣль наша вполнѣ достигнута, что видно изъ того, что нашъ сборникъ Одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Читая ихъ, дѣти, подобно Пушкину, могутъ прекрасно «дополнять недостатки своего воспитанія».

Для школъ и народа

А. С. ПУШКИНЪ.

Избранныя произведенія съ разсказомъ о его лѣтскихъ и юношескихъ годахъ. Собралъ *Е. Поселянинъ.* Съ 98 рисунками. М. 99 г. Ц. **30** к., въ папкѣ—**45** коп.

СТАРИНА **русской земли** (старина незапамятная). Сочин. *А. А. Гатцука,* съ рис., изд. 5-е. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библіот. сред. и низш. учебн. заведеній.** М. 98 г. Ц. **15** к.

ШКОЛА РИСОВАНІЯ

КАРАНДАШОМЪ, ТУШЬЮ и АКВАРЕЛЬЮ

на 34-хъ таблиц. съ прилож. объяснител. текста, въ которомъ изложенъ методъ самаго обученія. Сост. препод. рис. *А. Ѳедоровъ.* М. 89 г. Ц. **3** р., наклеенн. на картонъ—**4** р.

РУССКІЯ и ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЯ

подвижныя азбуки,

съ цифрами и знаками, крупныя и мелкія буквы, наклеен. на картонъ, въ коробкахъ, 7 сортовъ. Ц. отъ **15** к. до **50** к.

НАГЛЯДНАЯ РУССКАЯ АЗБУКА

для самообученію и письму, состав. *Волженскій,* съ 117 рисунками (по нагляд. звуковому методу). М. 88 г. Ц. **10** к.

Русская азбука въ 40 отдѣл. таблиц. Сост. *А. Гусевъ.* М. 90 г. Ц. **30** к.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ ГРАММАТИКИ

для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Сост. *П. Козыревъ.* Правописаніе по руководству *Грота.* М. 91 г. Ц. **12** к. **Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена для упот. въ начал. учил.**

Пособіе при обученіи чистописанію.

Прописи русскія. Сост. *М. Н. Савеловъ.* М. 99 г. Ц. **20** к.

Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Синодѣ и Учен. Комитет. Минист. Народнаго Просвѣщенія.

РУССКАЯ СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ.

На 48 листахъ. Составилъ *М. Савеловъ.* Изданіе 2-е. М. 98 г. Цѣна **40** коп. Учебн. пособіе при обученіи чистописанію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ городск. и народныхъ училищахъ.

Одобрена Учеб. Комит. при Св. Синодѣ.

Гг. иногородніе адресуются въ контору изд.-книгопрод. А. Д. СТУПИНА, Москва, Никольская, рядомъ съ ремеслен. уп. На пересылку прошу прилагать 20 к. на рубль. Каталоги высылаются за 7 коп. марку.

Изданіе А. Д. Ступина, въ Москвѣ.

Ученымъ Комит. Минис. Народн. Просвѣщ. ДОПУЩЕНЫ въ Ученич., Младшаго и Средняго возраста, библіотеки Среднихъ Учебныхъ Заведеній.

СКАЗКИ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО СБОРНИКУ

Бр. ГРИММЪ

В. А. Гатцукомъ.

Огромный успѣхъ этого изданія объясняется впервые въ немъ сдѣланною удачною обработкою для русскихъ читателей текста сказокъ

СЪ РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ

худож. *Гротъ-Іогана,* а также изящест. и дешевиз. изданія.

Всего 20 выпусковъ.

Цѣна каждаго выпуска 20 к., въ 2 томахъ въ изящныхъ папкахъ по 10 вып., цѣна за каждый томъ 2 р. 50 к.

Сказки и повѣсти Андерсена.

Новый переводъ съ датскаго подлинника.

Подъ редакціей В. Гатцука.

Снабженный огромнымъ количествомъ (почти на каждой страницѣ).

РОСКОШНЫХЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

заграничныхъ и оригинальныхъ. Всего 10 выпуск.

Цѣна за каждый выпускъ 25 к., въ 2 томахъ изящныхъ папкахъ по 5 выпуск., цѣна за каждый томъ 1 р. 50 к.

Робинзонъ Крузо.

Его жизнь и приключенія, разсказанныя Даніэлемъ де-Фо.

Полный переводъ съ послѣдняго лондонскаго изданія.

Подъ редакціей В. Гатцука.

Съ **120 рисунками** Вальтера Паже. Изданіе второе. Печатанное безъ перемѣнъ съ перваго.

Особымъ отдѣломъ Учен. Комит. Минис. Народ. Прос. допущено въ ученическія библіотеки для средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно и въ народныя читальни. М. 1897 г.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.

Цѣна за выпускъ 25 к. Въ 2-хъ томахъ, по 10 вып. въ каждомъ, въ изящн. папкѣ—2 р. 75 к. за томъ; тоже въ коленк. переп.—3 р. 25 к.